

Основное внимание Э. А. Керимов уделяет опубликованным работам, однако в рецензируемой монографии есть информация и об архивных материалах, в которых отложилось сведения об Азербайджане. Это, конечно, ценно. Однако соответствующие части монографии недостаточно органично включены в ткань основного повествования и стоят в тексте несколько особняком. Вообще мне представляется, что обзор архивных материалов следовало дать отдельной главой главным образом из-за неодинаковой роли, которую играли опубликованные работы, с одной стороны, и архивные материалы — с другой, в дальнейшем развитии этнографического изучения Азербайджана. Первые сразу становились достоянием читающей публики и специалистов, часто цитировались в последующих публикациях, а лица, выезжавшие с научными целями в Азербайджан, могли начинать с них знакомство со страной и ее народом. Рукописи же, годами погребенные в архивохранилищах, остались по существу не вовлеченными в научный оборот и, следовательно, не смогли оказать существенного влияния на развитие русско-азербайджанских этнографических связей.

В то же время давно назрела необходимость планомерного и целенаправленного изучения богатейших фондов архивохранилищ страны для выявления содержащихся в них материалов по этнографии народов Кавказа. Публикатор соответствующих изысканий окажет неоценимую услугу кавказоведению, ибо исследователи получат ключ к совершенно новой, практически не использованной информации по исторической этнографии народов региона; одновременно появится возможность дополнить историографию этнографического кавказоведения весьма важной и до сих пор ненаписанной главой — труд, который в полной мере еще не взял на себя ни один кавказовед. Заявка Э. А. Керимова также осталась по существу нереализованной, так как предпринятый им обзор архивных материалов по Азербайджану мало чем дополняет сведения, сообщенные в свое время М. О. Косвеню.

Автора можно также упрекнуть в недостаточном внимании к материалам периодической печати. Между тем дореволюционные кавказские газеты всегда уделяли особое внимание быту и культуре местных народов, описанию их нравов и обычаев. В них сосредоточены ценнейшие, порой уникальные этнографические сведения. Наиболее насыщенной этнографическими материалами по Азербайджану была газета «Каспий», выходившая в Баку с 1880 по 1916 г. Немало публикаций, освещавших различные стороны этнографии азербайджанского народа, помещалось и в газетах «Кавказ», «Закавказский вестник», возможно, и в других периодических изданиях — трудоемкая работа по их выявлению, вероятно, еще впереди. Однако ясно, что эти материалы, равно как и их авторы, должны занять подобающее место в историографии этнографического кавказоведения.

Из сказанного очевидно, что разыскания в области истории этнографического изучения народов Кавказа необходимо продолжить. Хочется надеяться, что книга Э. А. Керимова не последняя в ряду специальных исследований, посвященных этой важной проблеме.

Ю. Д. Анчабадзе

Проблемы этногенеза калмыков. Элиста: Изд-во Калмыцкого НИИ истории, филологии, экономики, 1984, 120 с.

Этногенезу и этнической истории калмыков и ойратов Джунгарии в настоящее время уделяется значительное внимание. Из публикаций последних лет прежде всего следует назвать монографию У. Э. Эрднева «Калмыки. Историко-этнографические очерки», третье издание которой вышло в 1985 г., статьи Н. Ш. Ташникова, Н. Ц. Корсункиевой, Г. О. Авляева, А. Г. Митирова, В. П. Дарбаковой и других специалистов по истории и этнографии Калмыкии. Новый сборник, в котором приняли участие ученые Калмыкии, Бурятии, Казахстана, а также московские исследователи, вносит посильный вклад в изучение этой сложной и многообразной проблемы.

В сборнике представлены три группы тем: источники по этногенезу и этнической истории ойратов и калмыков; различные аспекты собственно этногенеза этих народов; расселение калмыков и ойратов.

К первой тематической группе относятся статьи Р. Е. Пубаева об историческом сочинении кукурнского ученого XVIII в. Сумба-Хамбо «Пагсам-чжонсан» и Г. С. Гороховой о труде Лубсан Данзана «Алтан Тобчи» (конец XVII — начало XVIII в.).

Рассматривая генеалогические таблицы джунгарских, хошоутовских и торгоутовских нойонов, приведенные в сочинении Сумба-Хамбо, Р. Е. Пубаев указывает, что в них достаточно полно отражена пестрая картина социально-политической и этнической жизни Монголии в XIII в. — середине XVIII в. Интересны приводимые в «Пагсам-чжонсан» социальная терминология и сведения о расселении трех групп ойратских племен. Несомненно, сочинение Сумба-Хамбо — важный, но пока недостаточно изученный источник по истории и этнографии калмыков, дальнейшее исследование которого еще впереди.

Не менее интересен и важен для исследования вопросов этнической, социальной и политической истории другой источник — труд Лубсан Данзана «Алтан Тобчи», напи-

санный в конце XVII — начале XVIII в. Анализ некоторых материалов этого источника составляет содержание статьи Г. С. Гороховой. Предваряя исследование труда Лубсан Данзана, автор рассматривает целый ряд вопросов этнической и социальной истории калмыков, еще нуждающихся в уточнении и детальном исследовании (с. 18). Так, до сих пор нет четкого ответа, кем же были ойраты в конце XII — начале XIII в. — охотниками или скотоводами. В «Алтан Тобчи» есть сведения, помогающие решению этой важной проблемы, но их явно недостаточно, чтобы бесспорно отнести ойратов к кочевникам-скотоводам. Несмотря на явно ограниченный круг сведений об ойратах в «Алтан Тобчи» (с. 17), Г. С. Горохова оценивает сочинение Лубсан Данзана как важный источник по истории ойратов.

Широко представлены в сборнике работы, раскрывающие отдельные стороны этногенеза ойратов и калмыков. Г. О. Авляев в своей статье рассматривает вопрос о «происхождении керентов и их участии в этногенезе средневековых ойратов Джунгарии и калмыков Поволжья». Известно, что по этому вопросу в литературе существует две точки зрения: согласно одной, керенты относятся к монголоязычным, другой — к тюркоязычным народам. Г. О. Авляев придерживается первой точки зрения. Используя целый ряд источников, в основном опубликованных, он доказывает, что керенты домонгольской эпохи были монголоязычны. Племенной союз керентов включал разнородные этнические компоненты. Ведущая роль в нем принадлежала собственно керентам, и монгольский язык был господствующим. По мнению автора статьи, керенты участвовали и в этногенезе ойратов, и в сложении калмыцкой народности. С этими выводами в общем можно согласиться, но для убедительности доказательств явно требуются новые источники. Статья не лишена и отдельных противоречий. Г. О. Авляев, например, возражает Н. А. Аристову, соотносившему казахское племя кирей и абак-киреев с зюнгарскими керентами и племенем абагас. Но далее автор сам утверждает, что керенты, рассеянные среди тюркских народов в результате монгольских походов, сохранили тюркский вариант этнонима керейт в форме кирей. МалOVERоятным также представляется предположение автора о связи этнонима «абагас» с монгольским термином «абага» — дядя (с. 34). Этимологию этого слова, видимо, надо искать в сфере социальных отношений.

Статья Г. О. Авляева и В. П. Санчирова «К вопросу о происхождении торгоутов и хошуотов в этническом составе средневековых ойратов Джунгарии (К проблеме этногенеза калмыков)» посвящена одному из сложнейших и спорных вопросов этногенеза ойратов и калмыков. Одни исследователи отрицают этногенетическую преемственность между «тургаутами» эпохи Чингисхана и поздними «торгоутами», другие — считают возможной такую связь. По мнению авторов, «хошоут» — воинский термин, происходящий от слова «хошун» (монгольск. — кюв, морда, передовой отряд войска); термин же «торгоут» или «тургаут» происходит, как считают авторы, от наименования гвардии Чингисхана — «тургаут-кешиктен» (с. 46—48). Основываясь на данных о расселении торгоутов и эволюции военной системы монголов, Г. О. Авляев и В. П. Санчиров делают вывод о прямой этногенетической связи и преемственности гвардии Чингисхана «тургаут-кешиктен» со средневековыми этническими общностями «торгоут» и «хошоут» (с. 48).

Вместе с тем необходимо заметить, что приводимые в статье доказательства не всегда логически и исторически обоснованы. Так, этногенетическая близость торгоутов и хошоутов обосновывается тем, что обе эти группы вышли из одной военно-социальной организации XIII в. (с. 49). Но Хошоутовский улус Калмыкии не имеет почти ничего общего с хошоутами как этнической общностью. История формирования Хошоутовского улуса (после 1771 г.) показывает, что от бывших хошоутов в нем остался лишь один хошоутовский нойон Замьян (63 кибитки), а в Хошоутовский улус вошло 754 кибитки торгоутовских калмыков, принадлежавших ушедшему в 1771 г. в Джунгарию наместнику Убаши, и частично зюнгары хойтского нойона Тюменя Чжиргала. Чтобы глубже понять этническую историю калмыков, следует, видимо, учитывать факты их политической истории.

Эволюция таких подразделений улуса, как аймак, анги, ясун, торец, рассматривается в статье В. Ш. Бембева «О родоплеменных делениях и особенностях улусно-аймачной административной системы калмыков (XVII—XIX вв.)». Это, пожалуй, одна из самых сложных проблем в этнографии калмыков. Автор статьи приходит к справедливому заключению, что чаще всего административные единицы Калмыкии — улусы представляли собой крупные территориально-этнические объединения. Собрал и проанализировав имеющиеся по данной проблеме факты, В. Ш. Бембев, однако, не смог выявить достаточно полно и достоверно сущность и соотношение подразделений улуса.

Небольшая статья А. Г. Мнтирова «К вопросу об этнониме шубучинер» посвящена вопросам происхождения и содержанию указанного этнического названия, соотносимого автором с монгольским социальным термином «шубучинер». Так называли служителей хана или нойона, занимавшихся охотой при помощи хищных птиц. Однако вопрос о правомерности отнесения терминов, связанных с производственной деятельностью, к числу этнонимов следует считать открытым.

Д. Д. Нимаев обратился к проблеме ойратско-бурятских этнических связей. Ему удалось охарактеризовать спорные и малоизученные вопросы этногенеза и этнической истории ойратов и бурят. Автор пришел к мысли о существовании достаточно длительных и тесных связей между предками бурят и калмыков. Исследование ойратско-бурятских этнокультурных связей только начинается, и статья Д. Д. Нимаева, содержащая новые материалы по этой проблеме, в том числе по сравнительному языкознанию, представляет ряд интересных, хотя и гипотетических, выводов.

В целом статьи по этногенезу ойратов и калмыков нуждаются в расширении их источниковой основы; недостаточно освоены уже имеющиеся исследования по этногра-

фии Калмыкии. Вызывает, например, удивление, почему не использованы работы У. Э. Эрдниева о калмыцких «родах», анги, арванах, его материалы по калмыцкой этнонимии. Следует осторожнее пользоваться такими терминами, как «развитой кочевой феодализм», «патриархально-феодалная верхушка», «родоплеменное деление» и т. д.

Сборник завершается работами, посвященными проблемам расселения ойратов и калмыков. И. В. Борисенко в статье «К истории образования и происхождения беляевской группы донских калмыков» проследил историю формирования одной из групп калмыков, в этнониме которых сохранилось наименование первого их поселения — местечка Беляево в устье р. Самары. Автор правильно связал места поселения крещеных калмыков с южными границами Российского государства: правительство привлекало их для несения пограничной службы (с. 86). Нужно отметить, что этнический состав беляевцев проанализирован И. В. Борисенко по материалам более позднего времени. Это не позволяет точно указать время их выделения, определить их принадлежность к конкретному этническому подразделению приволжских калмыков.

В статье К. П. Шовунова «Терское поселение калмыков» идет речь о расселении крещеных калмыков по р. Тереку. Автор подробно охарактеризовал социально-экономическое положение терских (моздокских) калмыков и пришел к выводу, что «определяющее влияние» на жизнь терских калмыков «оказали тесные контакты с русскими казаками и официальная правительственная политика по переводу их к оседлости» (с. 101). Попутно автор делает любопытные замечания об отношении крещеных калмыков к чуждой для них религии, утверждая, что сам процесс крещения служил для них «юридическим заслоном от посягательства более сильной кочевой знати» (с. 94). Однако причины возникновения поселений крещеных калмыков типа Терского в статье недостаточно аргументированы. Следует также разъяснить выражение «владельцы родов» (с. 93), уточнить время принятия закона, разрешавшего калмыкам казенных улугов вступать в сословие казаков Астраханского и Кавказского казачьих войск (с. 100).

Г. К. Конкашпаев в статье «Некоторые сведения о пребывании ойратов на территории Казахстана» предпринял попытку проанализировать ряд фактов этнической истории групп ойратов, живших в Казахстане с конца XVI до середины XVIII в. Автор обратил внимание на многочисленные топонимы монгольского происхождения на этой территории, привел некоторые неизвестные сведения о политических взаимоотношениях казахов и ойратов. Разработка данной темы только начинается.

В целом выход в свет рецензируемого сборника следует оценить положительно, как попытку решения сложных и многоплановых проблем этногенеза и этнической истории калмыцкого народа. Хочется надеяться, что данный сборник не окажется единственным.

А. И. Карагодин

Д. Г. Савинов. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984, 175 с.

Труды, посвященные этнокультурной истории Южной Сибири в средние века, когда были заложены основы последующего этнического развития народов этого обширного региона, имеют уже большую историографическую и источниковедческую традицию. Тема, пожалуй, в равной степени привлекает внимание археологов, этнографов и филологов. Однако многие вопросы этой важной проблемы, в особенности связанные с формированием древнетюркских этносов и их культуры, остаются еще недостаточно изученными. Поэтому нельзя не приветствовать издание рецензируемой книги. Она сравнительно невелика по объему — около 12 авторских листов, но насыщена большим фактическим материалом, содержит много новых интересных, хотя в некоторых случаях и спорных положений об этнокультурной истории южносибирских народов в средние века. В основе монографии — археологические и письменные источники. Среди последних, к сожалению, лишь в небольшой мере использованы автохтонные источники — тюркские рунические памятники Южной Сибири. Известно, что енисейские и алтайские рунические тексты по сравнению с памятниками Монголии обычно в меньшей степени привлекаются в качестве исторического источника. Это объясняется тем, что они содержат сравнительно краткие эпиграфические тексты, изобилующие лакунами, имеют часто различные варианты чтения, что затрудняет порой их использование при разработке этнокультурных проблем. Однако анализ этнонимов, встречающихся в рунических текстах, попытка их историкогеографической привязки могли бы, на наш взгляд, дать дополнительный материал для аргументации ряда положений, выдвигаемых в монографии.

Почти каждый раздел работы Д. Г. Савинова включает обзор сведений и исследований по теме в целом и отдельным дискуссионным вопросам почти за столетний период. Взгляды предшественников излагаются в лаконичной форме, хотя в ряде случаев их, по нашему мнению, можно было бы дать более развернуто. Это относится прежде всего к отдельным разделам главы о сложении прототюркского субстрата, анализу